Е. В. Борисевич
(Минск, Белорусский государственный университет)

ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ И ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА: К ВОПРОСУ О ТОЧКАХ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Гипотеза лингвистической относительности является одной из самых спорных в истории современной теоретической лингвистики. Вместе с тем она во многом определила основные тенденции развития не только современной лингвистики в целом, но и ряда ее фундаментальных направлений. Главное ее положение: «Язык определяет мышление и способ познания» [1], – не доказано, но и не опровергнуто до сегодняшнего дня. Именно поэтому в течение уже почти ста лет оно сохраняет статус гипотезы.

У этого положения имеется целый ряд практических и теоретических импликаций, важных для изучения и преподавания иностранных языков, а также для теоретического переводоведения и практического преподавания навыков перевода. Для переводчиков-практиков, знакомых с лакунами и несовпадением объемов понятий, передаваемых в разных языках близкими или сходными по значению лексемами, основной тезис гипотезы лингвистической относительности не нуждается в дальнейших доказательствах. С другой стороны, со временем оказалось, что сам вопрос, поставленный авторами гипотезы, выходит далеко за рамки компетенций теоретической лингвистики. В его разрешении начали принимать участие многочисленные смежные области гуманитарного знания, в том числе лингвокультурология и когнитивистика.

Вопрос о том, что в большей степени влияет на что: язык на мышление или мышление на язык, – являющийся принципиально важным для когнитивистики и некоторых других современных направлений изучения языка и сознания, – для нас в данном исследовании не является существенным. Этот вопрос был сформулирован на основе теоретического анализа высказанных учеными предположений и лег в основу многочисленных исследований, проводимых на стыке лингвистики и психологии. В определенном смысле это вопрос диахронического характера, поскольку ответ на него должен был бы объяснять, каким образом сложились суще-

ствующие языковые системы. Нас же они интересует исключительно в их наличном состоянии и в той мере, в которой они могут быть соотнесены друг с другом.

Именно в процессе соотношения языковых систем путем сопоставления созданных в их рамках текстов становится очевидной их несовместимость в частностях, в деталях при некоем общем тождестве. Носителем этого тождества является потенциально выражаемый средствами любой языковой системы общий набор смыслов. Носителем различий является система своего рода делений, долей смысла. Физической моделью этой закономерности может послужить, к примеру, апельсин: поданный разделенным на дольки или порезанным ломтиками, он сохраняет тождество самому себе. Но части, на которые он может быть разделен, не тождественны друг другу. При изрядной доле очевидности этой модели само ее существование и функционирование в сфере производства и передачи смыслов с точки зрения современной науки до сих пор нуждается в доказательствах. В современной когнитивной лингвистике принята точка зрения о том, что «в конкретном языке происходит конвенционализация – как бы негласное коллективное соглашение говорящих выражать свои мысли определенным образом» [2, с. 372]. Проблема заключается в том, что разные сообщества заключают соглашения разного типа и разного содержания.

У поиска доказательств правильности приведенной выше модели длительная и запутанная история. Несмотря на то, что авторами гипотезы считаются Бенджамин Ли Уорф и Эдвард Сэпир, положения, которые впоследствии легли в ее основу, были высказаны еще Вильгельмом фон Гумбольдтом. Всех этих ученых объединяет прежде всего объект исследования, на материале которого были сделаны выводы, приведшие к формулированию гипотезы лингвистической относительности. Речь идет о языках, называемых традиционно «экзотическими»: так, Вильгельм фон Гумбольдт изучал, в частности, язык кави – один из языков острова Ява [1], а Бенджамин Ли Уорф и Эдвард Сэпир занимались исследованием языков американских индейцев [3].

В процессе исследований, которые в случае Уорфа, например, впоследствии были опровергнуты, а их результаты признаны сфальсифицированными или неверно проинтерпретированными, все три исследователя независимо друг от друга обнаружили одно и то же явление. Язык создавал в каждом случае своего рода «классифицирующую сетку», которую носители языка «набрасывали» на окружающую действительность. Наличие в языке определенного набора лексем для передачи определенного набора понятий влияло – по мнению исследователей – на то, каким об-

разом носитель данного языка воспринимает данный фрагмент действительности. Интересно, что наличие точно такой же «сетки» в европейских языках вовсе не являлось для ученых самоочевидным до тех пор, пока они не столкнулись с модификацией этой сетки, имеющей радикальные расхождения с той системой классификации явлений действительности, к которой они привыкли. Вероятно, именно близость европейских языков с точки зрения создаваемой ими «сетки» не позволила в свое время европейским исследователям сделать схожие выводы на материале, к примеру, французского и немецкого языков. Интересно, что интенсивно развивавшаяся в XIX веке библеистика также не позволила филологам сделать наблюдения, достаточные для обоснования предложенного тезиса, хотя именно она и питала гипотезу у ее истоков, при зарождении самой идеи о «духе народов».

Каким образом подобная «сетка» образуется, из чего она состоит и какие трудности ожидают переводчика при передаче ее элементов средствами другого языка? Ответы на эти вопросы и будут описывать точки соприкосновения между теорией перевода и гипотезой лингвистической относительности.

Пример подобного рода расхождений в классификации можно привести именно из истории библейского перевода. В древнееврейском языке есть лексема צאן, значение которой *'мелкий скот'* включает в себя, в сущности, два компонента: *'овцы'* и *'козы'*. В большинстве случаев при переводе ветхозаветных книг для передачи этой лексемы на многих европейских языках было использовано первое слово. Таким образом был сокращен объем передаваемого понятия, что оставалось практически незаметным, за исключением контекстов, описывающих раздел скота, например между родственниками. В этих контекстах зачастую неожиданно для читателя появляются козы, которые прежде не упоминались вовсе [4].

На самом деле Гумбольдт, Сепир и Уорф научно описали явление, известное любому переводчику-практику. При переводе достаточно часто используется прием гипонимо-гиперонимических замен: исходя из различных соображений, семантических, стилистических и некоторых других, переводчик может заменять гипонимы гиперонимами и наоборот. Так происходит, к примеру, когда слово *стада* заменяет лексему *овцы*, слово *бараны* – слово, обозначающее *'мелкий скот'*.

Итак, классифицирующая «сетка» подобного рода с практической точки зрения представляет собой сочетание гипонимов и гиперонимов, то есть системно организованную группу лексики, описывающей один фрагмент действительности и организованной иерархическим образом. До тех пор, пока при переводе мы

не сталкиваемся со значительным фрагментом такого рода словаря, само его существование и особенности его организации не являются для нас очевидными. Трудности перевода начинают возникать только тогда, когда мы имеем дело с фрагментом текста, в значительной мере посвященным определенному фрагменту действительности и изобилующим лексикой именно из этой области. Это своего рода «тезаурус знатока», который в самом тексте почти точно воспроизводит иерархические отношения, существующие внутри как лексической системы, так и системы понятий, стоящей за ней. Именно об этом пишет Р. Джакендофф [2, с. 372], когда говорит об отличиях между действительностью и спроецированным миром, отраженным в семантике различных языков.

Системность представленного фрагмента словаря имеет чрезвычайно важное значение при наблюдении данного явления в действии. Именно в системно организованном наборе лексем мы можем наблюдать внутреннюю несовместимость представляемых картин при их тождественности в целом. То есть оба текста описывают одно и то же явление, но набор составляющих этого явления различен в каждом из текстов, как тождество суммы, составленной в каждом отдельном случае из иных слагаемых.

В библейской Книге Бытия широко представлена лексика, связанная со скотом, что вполне понятно в свете того, что основным родом деятельности евреев в библейские времена было скотоводство. В связи с тем, что, специализируясь в этой области, древние евреи создают четко проработанную систему животноводческой терминологии, этот фрагмент лексической системы не только является многочисленным, но и четко организованным иерархически.

Рассмотрим, каким образом оригинальный древнееврейский гиперонимический «тезаурус знатока» был при переводе трансформирован в «тезаурусы знатока» в латинском и старопольском тексте. С нашей точки зрения существенным и более продуктивным является анализ именно гиперонимической структуры, с возможными элементами гипонимической, а не анализ исключительно гипонимических структур. Это связано со следующим соображением. В исключительно гипонимической структуре нет системности – она появляется только с появлением смысловой иерархии, определенного рода организации. В одноуровневом наборе наименований при отсутствии какого-либо из них (и как лексемы, и как понятия) другие элементы, как правило, не в состоянии его заменить, а если на практике это и случается, то такая замена редко бывает эффективной и не окказиональной. То есть

если в языке нет слова «кенгуру», его сложно чем-либо заменить только на уровне гипонимов – конкретных названий животных. Даже если мы пытаемся сконструировать описательную парафразу, в ней все равно не обойтись без гиперонима.

Принципиальное отличие гиперонимов от гипонимов заключается прежде всего в том, что они являются произвольными инструментами группировки словаря и первоначально, по-видимому, не имеют соответствий в действительности. Именно этим объясняется их видимая пластичность, зачастую взаимозаменяемость.

Из гиперонимических наименований представлены 6 лексем. При переводе на латинский язык в соответствие этим шести лексемам св. Иеронимом были поставлены двенадцать, причем распределение этих соответствий отнюдь не линейное. То есть иногда переводчик ставит в соответствие одной и той же древнееврейской лексеме две и более различных латинских лексем или, наоборот, одну латинскую лексему ставит в соответствие нескольким различным древнееврейским лексемам.

При переводе библейского текста на старопольский язык намечается его тесная связь с латинским оригиналом – настолько тесная, что иногда точность следования латинскому оригиналу является приоритетом по отношению к языковой правильности и даже логичности текста на переводящем языке. Тем не менее даже такая, порой рабская зависимость приводит к неожиданному результату: из 12 латинских соответствий в польском тексте получаем только 10. Напомним, что речь идет только о гиперонимических названиях скота.

Таким образом, шести оригинальным еврейским терминам для обобщенного обозначения животных как классов или определенных видов совокупностей предметов латинский переводчик поставил в соответствие десять терминов, а польский – девять. При этом дистрибуция вариантов носит отчетливо нелинейный характер, то есть за каждым исходным термином, как правило, жестко не закреплен его переводной эквивалент [4]:

Оригинал	Латинский перевод	Польский перевод
חיה	*Animantia*	*Zwierzęta*
	Pecus	*Zwierzęta*
	Bestia	*Bestie*
	Animal	*Źwierz, źwierzę*
בהמה	*Pecus*	*Bydło*
	Jumenta	*Bydło*
	Bestia	*Bestia*
	Animantia	*Zwierzęta*

בקר	*Boves*	*Woły*
	Armenta	*Bydło*
עדר	*Pecus*	*Bydło, stada*
	ovis	*Owce*
	gregus	*Stada, trzoda*
מקנה	*possesia*	*Maiętność*
	substantia	*Maiętność, dobytek*
	pecus	*Bydło, stada*
	gregus	*Stada, trzoda*
צאן	*pecus*	*Dobytki, bydło*
	ovis	*Owce*
	possessiones ovium	*Stada owiec*
	greges ovium	*Trzody owiec*
	gregus	*Stada, bydło, trzody*

Говоря о «тезаурусе знатока», мы имеем в виду иерархически организованный фрагмент лексической системы языка, посвященный одной теме. Данный фрагмент должен быть достаточно репрезентативен, поскольку в случае малого числа входящих в него лексем мы будем лишены возможности наблюдать особенности его иерархической организации. Именно особенности связей между отдельными элементами «тезауруса знатока» и представляют собой, на наш взгляд, импликации гипотезы лингвистической относительности в переводе. Эти особенности определенным образом влияют на выбор переводчиком той или иной стратегии оперирования системой гиперонимо-гипонимических замен в тексте.

В нашем примере особенностью такой стратегии является стремление всех западных переводчиков – по отношению к еврейскому оригиналу – расширить эту систему прежде всего за счет введения дополнительных гиперонимов. Несмотря на то, что, казалось бы, более перспективной стратегией являлось бы расширение гипонимической базы «тезауруса знатока», увеличивается почти исключительно количество гиперонимов.

Этому есть достаточно простое объяснение, уже упоминавшееся нами выше. Гипонимы связаны с материальной действительностью в куда большей мере, чем гиперонимы. Последние представляют собой отражение наших классифицирующих представлений о действительности, и могут меняться с изрядной долей произвольности. Гипонимы же, как правило, называют конкретные явления и предметы действительности, состав которых относительно постоянен. Таким образом, можно сколь угодно долго «перетасовывать» существующий состав гиперонимов, дополнять

и расширять его, перекраивая существующие исключительно в нашем сознании классифицирующие границы. А состав гипонимов изменяется в большинстве случаев только вследствие изменений в объективной реальности.

Дополнительным ресурсом культурно обусловленной модификации «тезауруса знатока» является смена границ между группами гипонимов и гиперонимов. В нашем примере так происходит со словами «быки» и «овцы». Будучи по природе своей гипонимами, они оказываются в группе гиперонимов – как по-латински, так и по-польски. При переводе такое перемещение носит почти исключительно функциональный характер – таким образом восполняется гиперонимическая лакуна в переводящем языке. В нашем случае именно лакунарные древнееврейские гиперонимы «мелкий рогатый скот» и «крупный рогатый скот» вызывают в переводе вовлечение в систему гиперонимов гипонимических обозначений «овцы» и «быки».

В теоретическом переводоведении принято считать, что гиперонимические замены чаще всего обусловлены стилистическими соображениями. Это действительно в большинстве случаев так. Но замена гиперонима гипонимом редко бывает продиктована соображениями стиля – чаще всего она сигнализирует о несовместимости «картин мир», о наличии гиперонимической лакуне – отсутствие подходящей классифицирующей ячейки в той сети, которую язык перевода «набрасывает» на мир – в противоположность языку оригинала.

Наиболее яркой иллюстрацией тезиса о несовместимом устройстве гиперонимических «сетей» является несимметричное расщепление исходных гиперонимов языка оригинала на гиперонимы языка перевода. Выше мы отмечали количественное несоответствие между набором гиперонимов оригинала и перевода. Оказывается, что есть еще и несоответствие качественное: так, в Вульгате и в соответствие древнееврейскому термину «*חיה*», и в соответствие термину «*בהמה*» поставлено слово «*animantia*». Обозначение «*pecus*» поставлено в латинском переводе в соответствие всем древнееврейским гиперонимам, за исключением слова «*בקר*», с которым у латинского переводчика были особые трудности, поскольку он воспринимал его как «вьючный скот» и так и пытался переводить. Чуть менее многозначным, но также встречающимся несколько раз оказывается слово *gregus* – стада.

Своеобразно членится польским и латинским сознанием и наиболее общее обозначение животного. Латинский язык делит идею животного на пять долей, а польский – на три. При этом польское деление представляется достаточно прозрачным: общий

термин *zwierzę* расщепляется на два основных: *bestia* – латинское заимствование, обозначающее дикое животное, и *bydło*, обозначающие домашних животных.

Для древнееврейского сознания скот был прежде всего источником дохода, достоянием, богатством, тем, что приобретается и продается. Эта семантика заложена в самом корне этого слова на древнееврейском языке – *מקנה*. Она была воспринята и реализована в латинском переводе двумя корнями – *possesia* и *substantia* со сходным значением. Но один из них оказывается примененным и при передаче гиперонима «*צאן*» – мелкий рогатый скот. В свою очередь, в польском переводе семья этих гиперонимов прирастает словом *trzoda*, которое является своего рода единицей измерения, обозначением количества скота.

Таким образом, одной из самых существенных точек соприкосновения между гипотезой лингвистической относительности и теоретическим переводоведением является вопрос об адекватной передаче «тезауруса знатока». Проблема менее очевидна, если мы имеем дело с небольшим фрагментом системно организованного словаря – набором лексики, объединенным общей темой. Но если в данном контексте представлен словарь в его иерархической организованности, то есть в данном тексте имеются и гиперонимы, и гипонимы, то можно вести речь о концептуализированном в языке фрагменте картины мира. Подобная концептуализация в некоторой своей части очень плохо поддается переводу на иные языки. Переводчик оказывается перед необходимостью не столько перевода, сколько создания заново данного фрагмента картины мира. При этом основную трудность представляет именно ее внутреннее членение – это и есть самая существенная и с трудом поддающаяся переводу часть «тезауруса знатока».

Возвращаясь к вопросу о связи между языком и когнитивными процессами, отметим, что в исследованном нами примере речь шла о механизме классификации, который оказывается одновременно встроенным в механизмы иерархической организации тематического словаря. Отношения между гипонимами и гиперонимами суть следствие проведенной определенным – в значительной мере произвольным – образом классификации объектов. Одновременно классификация предметов или понятий является является особым типом интеллектуального манипулирования идеями, конечной целью и / или побочным продуктом которого неизбежно является познание.

Когда определенный фрагмент действительности уже концептуализирован, продукт этой концептуализации сам становится действенным инструментом познания: сначала мы, как представ-

ляется, создаем некие конвенционализированные гиперонимические «рубрики», а затем пытаемся их заполнить. При переводе существенным оказывается понимание переводчиком различий и несовместимости систем классификации, организованных по разным основаниям. Его задачей становится адаптация одной системы к другой, примерное приведение их в соответствие.

Литература

1. *Бурас, М.* Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности / М. Бурас, М. Кронгауз. // Наука и жизнь. № 8. 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elementy.ru/lib/431410?context=369876.
2. *Рахилина, Е. В.* Основные идеи когнитивной семантики / Е. В. Рахилина // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. М., 2010. С. 370–389.
3. Гипотеза Сепира – Уорфа // Новое в лингвистике / под ред. В. А. Звегинцева. М., 1960. Вып. 1. С. 111–215.
4. *Борисевич, Е. В.* Зоонимы в книге Брейшит и в Книге Бытия (на материале латинского и старопольского переводов Книги Бытия) / Е. В. Борисевич // Вестник БГУ. Сер.4. 2005. № 3. С.60–64.